

Научная статья

УДК 808.1+821.161.1.092

ББК 83.3,445 (2=411.2)5

А 67

DOI: 10.53598/2410-3489-2022-4-307-22-31

**Стихотворение М.Ю. Лермонтова «Листок»:
романтический конфликт в одеждах
цивилизационного конфликта
(Рецензирована)**

Кирилл Николаевич Анкудинов

*Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия,
ankudinovkirill@rambler.ru*

Аннотация:

В статье анализируется конфликт в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Листок» (1841). Новизна этой статьи заключается в том, что исследователи истолковывали конфликт в тексте поэта как цивилизационный или как индивидуальный, тогда как в нашей работе совмещаются эти две методологии. Персонажи стихотворения М. Ю. Лермонтова одновременно оказываются эмблемами разных цивилизаций (листок – это эмблема европейской цивилизации, чинара – эмблема северокавказской цивилизации) и носителями романтического конфликта между «Я» и «Не-Я». Базовое значение в тексте придаётся проблеме невозможности вербального контакта в романтической парадигматике. Это показывает переход поэта от «канонического романтизма», стоящего на сюжетных стереотипах, к «рефлексивному романтизму», исследующему себя.

Ключевые слова: Лермонтов, романтизм, баллада, эмблема, романтический конфликт, «Я», «Не-Я», романтический герой, конфликт цивилизаций, диалог цивилизаций

Для цитирования: Анкудинов К. Н. Стихотворение М.Ю. Лермонтова «Листок»: романтический конфликт в одеждах цивилизационного конфликта // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение, 2022. Вып. 4 (307). С.22-31. DOI: 10.53598/2410-3489-2022-4-307-22-31

Original Research Paper

M.Yu. Lermontov's poem «Leaf»: romantic conflict in robes of civilization conflict

Kirill N. Ankudinov

Adyghe State University, Maykop, Russia, ankudinovkirill@rambler.ru

Abstract:

The article analyzes the conflict in the poem by M. Yu. Lermontov “Leaf” (1841). The novelty of this article is that researchers interpreted the conflict in the poet’s text as civilizational or as individual, while this article combines these two

methodologies. The characters of the poem by M. Yu. Lermontov simultaneously turn out to be emblems of different civilizations (the Leaflet is the emblem of European civilization; the Chinar is the emblem of North Caucasus civilization) and carriers of a romantic conflict between “I” and “Non-I”. The basic meaning in the text is given to the problem of the impossibility of verbal contact in the romantic paradigm. This shows the poet’s transition from “canonical romanticism”, standing on plot stereotypes, to “reflective romanticism,” exploring itself.

Keywords: Lermontov, romanticism, ballad, emblem, romantic conflict, “I”, “Non-I”, romantic hero, conflict of civilizations, dialogue of civilizations

For citation: Ankudinov K.N. M. Yu. Lermontov’s poem «Leaf»: romantic conflict in robes of civilization conflict // Bulletin of Adyghe State University, Series: Philology and Art Criticism, 2022. No.4 (307). P.22-31. DOI: 10.53598/2410-3489-2022-4-307-22-31

Цели и задачи.

Замечательное стихотворение М. Ю. Лермонтова «Листок» [1: 221-222] было написано в 1841 году и представляет собой один из шедевров лирики русского поэта. Начало интертекстуальному подходу в анализе этого текста положил Б. М. Эйхенбаум в фундаментальном исследовании «Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки» [2]. Он выявил общие претексты центрального образа лермонтовского текста – стихотворение французского поэта Антуана Арно «De la tige detache», переведённое на русский язык В. Жуковским, В. Л. Пушкиным, Д. Давыдовым и другими поэтами, а также «Ирландскую мелодию» Томаса Мура, вольно переложенную И. Козловым. Б. Эйхенбаум приводит примеры образа одинокого листка, оторванного бурей от дерева у различных русских поэтов (в частности, у А. Одоевского), а в раннем творчестве М. Лермонтова находит пять таких примеров [2: 183-184]. Сам «Листок» комментируется Б. Эйхенбаумом следующим замечанием: «....Лермонтов развёртывает это традиционное сравнение в целую балладу, осложняя особым сюжетом простую аллегорию Жуковского» [2: 184]. Увы, Б. Эйхенбаум не рассматривает конфликт «Листка», а ведь баллада, являясь эпическим жанром, предполагает обязательное наличие конфликта, да и конфликт в «Листке» виден невооружённым глазом – в

стихотворении явлены два главных персонажа, оказывающихся в конфликтной ситуации по отношению друг к другу. Впрочем, Б. Эйхенбаум не ставил в своём исследовании цели определения характера конфликтности в творчестве М. Лермонтова; перед ним стояли иные задачи.

Современные исследователи подходят к лермонтовскому стихотворению, вошедшему в золотой фонд русской классической лирики, с разными ключами: они прочитывают его через типичную для романтической культуры тему одиночества (Д. В. Парамонов [3], А. Е. Татарникова [4], Т. Ю. Жихарева и Т. А. Сабитова [5], А. С. Павловская [6]), через тему Кавказа (М. Ш. Муслимова [7], И. В. Хавкина [8]), тему пути (О. С. Зацерклян [9], Д. Д. Кубрин [10]), при помощи «библейского кода» (И. А. Киселёва [11]) и даже прибегая к «языку цветов» (М. Р. Ненарокова [12]). К сожалению, никто из этих исследователей не обращается к синтетической методологии, соединяющей в себе культурологический и жанрово-структурный подходы. И «тема одиночества», и «тема Кавказа» крайне важны для понимания текста, однако они рассматриваются исследователями сами по себе, без связи (а такая связь, безусловно, существует). Следует также заметить, что упомянутые выше исследователи не обращают внимания на крайне важные в дискурсе текста мотивы «бесполезной вербальности» и «мнимого диалога» (в работе

И. А. Киселёвой «Функции диалога в поздней лирике М. Ю. Лермонтова» [13] стихотворение «Листок» лишь бегло упоминается). Заполнить все эти лакуны должна данная статья.

Материалы и методы.

Основным материалом данного исследования является стихотворение М. Ю. Лермонтова «Листок» («Дубовый листок оторвался от ветки родимой...»). Дополнительными материалами исследования являются поэтические произведения русских поэтов-романтиков XIX века (поэма А. С. Пушкина «Кавказский пленник», стихотворение А. Н. Полежаева «Песнь погибающего пловца»).

Главными методами исследования являются цивилизационно-культурологический метод, рассматривающий некоторые образы как эмблемы различных цивилизаций с их культурными кодами и жанрово-структурный метод, определяющий смысл сюжета произведений в контексте их жанров, а также литературных парадигм. Первый метод позволяет рассмотреть ключевые для стихотворения М. Ю. Лермонтова образы «дубового листка» и «Чинары»; второй метод исследует важную для этого стихотворения тему одиночества на фоне проблематики романтического мировоззрения и лежащего в его основе романтического конфликта между «Я» и «не-Я».

Также данное исследование использует интертекстуальный (сопоставительный) и интратекстуальный (внутритекстовой) методы кросс-культурного анализа литературных текстов. Исследование соприкасается с антропологической методикой, а именно с теорией этноморфоза и пассионарности Л. Н. Гумилёва.

Обсуждение.

Конфликт стихотворения М. Ю. Лермонтова «Листок» носит цивилизационный характер. Образ «дубового листка» является эмблемой европейской - и локально российской - цивилизации, а образ «чинары»

- эмблемой метацивилизации северокавказских народов. Стихотворение выбивается из устойчивого «кавказского романтического идиолекта русской литературы», дополняя цивилизационный конфликт базовым романтико-онтологическим конфликтом между «Я» и «Не-Я» и таким образом ломая оптику раннего (западноевропейского и русского) романтизма. Решающее значение в проблематике стихотворения М. Ю. Лермонтова «Листок» занимают темы «бесполезной вербальности» и «ложного диалога», встречающиеся и в смежных произведениях русской поздней романтической лирики. М. Ю. Лермонтов как поэт до последних дней оставался в культурно-философских границах романтизма с присущим ему романтическим мировоззрением, базирующимся на конфликте «Я» и «Не-Я».

Результативность:

При прочтении стихотворения М. Ю. Лермонтова «Листок» обращает внимание то, что поэт при помощи различных средств и приёмов показывает, что два главных героя стихотворения принадлежат к разным цивилизациям и являются носителями различных цивилизационных кодов. Дуб и чинара сами по себе деревья неодинаковых видов (и даже неодинаковых семейств) – прижиться на ветвях чинары дубовый листок не сможет по законам природы. Но дело не только в этом: существуют общие «эмблемные» цивилизационные семантемы образов «дуба» и «чинары», свойственные семиополям классицизма, сентиментализма и романтизма (направлений, так или иначе влиявших на лирику М. Ю. Лермонтова). Образ «дуба» в них представляет цивилизацию условного «Севера», а образ «чинары» отсылает к социокультурам (к социумам и культурам) условного «Юга». Это подтверждается локусами героев стихотворения: чинара привязана к локусу Чёрного моря, а путь листка лежит из лесной

(либо лесостепной) зоны через степь к Чёрному морю (из континентального локуса с его перепадами температур: «от холода, зноя» – к морскому локусу), то есть с севера на юг (и, возможно, с востока на запад). Чинара пребывает в средоточии «морской» семантики – райские птицы на её ветвях поют песни «про славу морской царь-девицы», чинара говорит о себе «и корни мои умывает холодное море». Локус родного дуба, напротив, суров («и вырос в отчизне суровой») и безводен. Образ чинары связан со стихией живительной воды (отчасти воздуха – «с ней шепчется ветер»), а образ листка – со стихиями воздуха («по свету ношуся давно я») и огня («от...зноя», «задох я без тени»). Можно сказать, что климат «отчизны суровой» и степи превращает амбивалентную стихию воздуха в «жестокую бурю», а близость моря умягчает её до «ласкового ветра».

Из слов листка «Немало я знаю рассказов мудрёных и чудных» очевидно, что листок – представитель (и отщепенец) цивилизации с богатой вербальной культурой, с долгой исторической памятью и, как следует из этого, с цивилизацией старой и высококультурной («мудрёной»). В противоположность этому чинара охарактеризована определением «молодая» («чинара стоит молодая»). Она не богата памятью, не является источником вербальной культуры (песни поют райские птицы на ветвях чинары, но не сама чинара); более того, любая вербальность вызывает у неё отторжение и скуку («Мой слух утомили давно уж и райские птицы»). Это юная самодостаточная цивилизация, сильная своей молодостью и соприродностью («Я солнцем любима, цвету для него и блистаю»); она существует-цветёт для себя и для солнца (для природы).

Цивилизационная идентификация листка не вызывает сомнений: он – посланец «Севера», то есть представитель мира европейской и (в локальном плане) российской

цивилизации (каковым был и автор стихотворения – Михаил Юрьевич Лермонтов). Сложнее идентифицировать чинару. Она окружена условным «восточным колоритом», но было бы ошибкой связывать образ чинары с «Востоком» вообще (или с исламским миром вообще). Представления о «Востоке» (и, тем более, представления о «Востоке» во времена Лермонтова) никак не согласуются с семантикой «молодости»: «Востоку» куда более подходит устойчивое определение «древний». В 1841-м году, когда было написано стихотворение «Листок», М. Ю. Лермонтов пишет другое стихотворение – «Спор». В нём даётся развёрнутая характеристика ветхого, сонного, неподвижного «Востока» (если быть формально точным – «Юга»: в отдельных строфах этого текста характеризуются Грузия, Персия, Иудея, Египет, бедуинская пустыня). Вывод таков:

*Всё, что здесь доступно оку,
Спит, покой ценя...
Нет! Не дряхлому Востоку
Покорить меня! [1: 215].*

Культурно-цивилизаторские преобразования, напротив, связываются у автора стихотворения «Спор» с «Севером» (то есть с миром Российской Империи).

И максимально конкретизированный географический локус героини стихотворения «Листок» («у Чёрного моря»), и биологический вид дерева (поэт являет нам специфически кавказскую чинару, а не, скажем, обобщённо «восточную» («южную») пальму, встречающуюся в других его стихах), и характеристика этой героини – всё свидетельствует о том, что чинара есть знак-эмблема метацивилизации *народов Северного Кавказа* («горцев»). Д. С. Схаляхо справедливо говорит: «Кавказ, его культурный мир оказывает влияние на Россию, на русскую культуру, и это влияние отличается особым своеобразием... суть диалога – соприкосновение культур

порождает новые смыслы и идеи, новое видение мира» [14: 132]. М. Ю. Лермонтов, будучи непосредственным участником Кавказской войны, прямо и близко соприкасался с этими народами; и они занимают значительное место в его поэзии – в стихотворениях и, особенно, в поэмах. Социум Северного Кавказа обрисовывался поэтом в разных тонах и интерпретациях, но никогда не определялся им как «старый», «ветхий», «дряхлый», «сонный», «неподвижный». Наоборот, для М. Ю. Лермонтова этот мир крайне активен – и в добрых, и в злых началах. Он привлекает поэта жёсткой цельностью, нерасколотостью, последовательностью, беспощадным максимализмом, нерелексивностью.

Народы Северного Кавказа в первой половине XIX века ещё не имели национальной письменности; грамотные представители этих народов пользовались чужой (в первую очередь арабской) письменностью. Для оптики М. Ю. Лермонтова, и шире – для оптики российской культуры первой половины XIX века, и ещё шире – для романтической культуры первой половины XIX века, мир народов Северного Кавказа представлялся «молодым», не тронутым «разложением европейской цивилизации». Бинарная оппозиция «старая (европейская) цивилизация – молодые (неевропейские) цивилизации» актуальна для литератур Европы едва ли не с начальных шагов романтизма. Самый первый текст французского романтизма – повесть Франсуа-Рене Шатобриана «Атала» – показывает эту оппозицию (заметьте, что в предшествующей романтизму литературе Просвещения – в «Простодушном» Вольтера или в «Персидских письмах» Монтескье – тема контакта европейской и неевропейской цивилизаций подаётся через приём остранения «Европы», тогда как тема освежающей «цивилизационной молодости» «Неевропы» там не затрагивается).

Под влиянием общеевропейской романтической «колониальной»

оптики данная оппозиция проникла и в русскую романтическую литературу; совместившись с реалиями Кавказской войны, она дала единый «кавказский романтический идиолект русской литературы», начинающийся с поэмы А. С. Пушкина «Кавказский пленник». Н. М. Шишхова, касаясь этой темы, отмечает, что существовало «традиционное идеологическое клише русских романтиков: описать колониальный захват Россией Кавказа как жестокую, но необходимую неизбежность, как важную часть борьбы европейской цивилизации против отсталого Востока» [15: 162]; с этим связано появление «кавказского романтического идиолекта русской литературы».

Немалую долю этому идиолекту отдал и М. Ю. Лермонтов в поэмах «Кавказский пленник» (вариация на темы пушкинской поэмы), «Измаил-Бей», «Аул Бастунджи», «Хаджи Абрек», «Беглец» (поздние поэмы на кавказскую тему «Демон» и «Мцыри» знаменуют отход от идиолектических канонов). Типовой «колониальный романтический сюжет» предполагает любовный конфликт двух героев – «европейца» (в русской литературе – «русского») и «прекрасной дикарки» (в русской литературе – «кавказской горянки»). Герой стихотворения М. Ю. Лермонтова «Листок» по своему положению и по социально-психологической характеристике очень похож на героя поэмы А. С. Пушкина «Кавказский пленник»:

*Людей и свет изведал он
И знал неверной жизни цену.
В сердцах людей нашёл измену,
В мечтах любви безумный сон,
Наскуча жертвой быть привычной
Давно презренной суеты,
И неприязни двуязычной,
И простодушной клеветы,
Отступник света, друг природы,
Покинул он родной предел
И в край далёкий полетел
С весёлым призраком свободы*

[16: 6].

Сюжет пушкинской поэмы развивается по общеромантическому канону байроновского типа: юная черкешенка влюбляется в русского пленника, тот признаётся ей в опустошённости своей души и в психологической неспособности к любви, черкешенка отпускает на волю пленника и затем кончает жизнь самоубийством. Таким образом, мир «Неевропы» оказывается искреннее, непосредственнее и, в конечном счёте, духовно богаче иссушенного и бессильного мира «Европы».

Стихотворение М. Ю. Лермонтова выпадает и из этого сюжетного канона, и из «кавказского романтического идиолекта русской литературы вообще». Оно воплощает переход от «сюжетно-канонического романтизма», выстроенного на канонических сюжетных ходах и конфликтах, к романтизму рефлексивному, осмысляющему себя и собственные идейно-психологические основы. Необходимо отметить немаловажную особенность: в этом тексте нет темы любви. Здесь никто никого не любит: листок просит у чинары лишь приюта, а чинара отказывает ему и в этой малости. Суть конфликта героев стихотворения носит не любовный, а совершенно иной характер. Это базовый романтический конфликт, лежащий в основе романтического мировоззрения и заключающийся в исконной и абсолютной вражде «Не-Я» (внешнего мира) по отношению к «Я» (романтической личности) [17]. В сюжете стихотворения М. Ю. Лермонтова «Листок» он задан троекратно: во-первых, отрывом дубового листка от родимой ветки, во-вторых, его скитаниями в холодной и знойной степи, в-третьих, отказом чинары дать ему приют. Одиночество романтического «Я» тотально; все персонажи, обстоятельства и силы стихотворения Лермонтова образуют совокупное «Не-Я», обрекающее листок («Я») на неизбежную медленную гибель. В этом плане стихотворение «Листок» аналогично другому шедевру

русской романтической лирики – стихотворению Александра Полежаева «Песнь погибающего пловца», написанному в 1828-м году. Этот текст тоже показывает беспредельно одинокое романтическое «Я» в ожидании неизбежной гибели [18]. И в этом тексте знаменательно отсутствует тема любви (безлюбивость его героя-повествователя возводится автором в концепт):

*Как минутный
Прах в эфире,
Бесприютный
Странник в мире,
Одинок,
Как челнок,
Уз любви
Я не знал,
Жаждой крови
Не сгорал!* [19: 59].

В этом стихотворении А. Н. Полежаева есть ещё один, чрезвычайно важный мотив, являющийся ключевым и для стихотворения М. Ю. Лермонтова «Листок»:

*Парус белый
Перелётный,
Якорь смелый
Беззаботный,
Тусклый луч
Из-за туч,
Проблеск дали
В тьме ночей –
Заменяли
Мне друзей* [19: 59].

Александр Полежаев использует точное слово – *заменяли*. Парус, якорь, луч и проблеск, будучи неодушевлёнными, могут дать пловцу (мореплавателю) лишь видимость контакта в его сознании; сами по себе они неспособны к какому-то ни было контакту. Безусловно, они не могут ничего сказать пловцу, потому что всё неодушевлённое по определению не может быть вербальным. Но и в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Листок» налицо замена осмысленного контакта «Я» с «Не-Я». Разница между этими стихотворениями в том, что в тексте А. Полежаева

вербальный контакт **невозможен**, а в тексте М. Лермонтова он **отвергнут и бесполезен**. Листок пытается купить у чинары приют **словом**, но чинаре наскучили все и всякие слова. Залог её молодости, силы, выносливости и цветения – не в словах, не в историях, «мудрёных и чудных», и не в исторической памяти. Чинара «цветёт и блистает» по воле природы. Таким образом, слово, предназначенное для общения (в том числе, для общения «Я» с «Не-Я»), оказывается бессильным осуществить общение, и тем самым делает романтический конфликт тотальным. Листок не может дать чинаре того, чего у него нет от природы – молодости, свежести, силы, красоты, укоренённости. Но чинара ценит только «природные доблести» и отвергает «вербальные доблести» «пыльного и жёлтого» листка. «Не-Я» требует у романтического «Я» тех качеств, которые у «Я» отсутствуют, а после констатации этого отсутствия предоставляет гибнущее «Я» своей участи.

Заключение.

Сопряжение культурно-цивилизационной и личностно-психологической тематики в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Листок» подводит автора к крайне пессимистической идее об объективной невозможности диалога цивилизаций. Причиной преуспевания цивилизации являются не культурные, а «природные» предпосылки. Цивилизации (и личности, представляющие их) «цветут и зеленеют» или, напротив, «сохнут и желтеют» по воле природы. Культурный контакт «сильной» и «слабой» цивилизации не нужен для «сильной цивилизации» (она самодостаточна в цветении молодости и силы) и невозможен для «слабой цивилизации» (с ней не общаются). Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Листок» в общефилософском плане предвосхищает идеи Фридриха Ницше, а в антропологическом плане – теории Освальда Шпенглера и, особенно, Льва Гумилёва. Пользуясь

терминологией Льва Гумилёва, можно сказать, что конфликт стихотворения «Листок» заключается в разнице пассионарных потенциалов цивилизаций, представленных персонажами этого стихотворения. Чинара представляет цивилизацию, находящуюся на стадии пассионарного подъёма, а листок – высококультурную цивилизацию, прошедшую акматическую стадию и достигшую своей «золотой осени» (обскурации и последующего надлома). Кстати, в общих чертах, такая картина соответствует взгляду Льва Гумилёва на этапы истории России: «Восемнадцатый век стал последним столетием акматической фазы российского этногенеза. В следующем веке страна вступила в совершенно иное этническое время – фазу надлома» [20: 291]. Однако в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Листок» присутствует не только цивилизационный, но и романтически-личный смысл. Автор этого стихотворения приходит к выводу, что конфликт между «Я» и «Не-Я» является неразрешимым, поскольку он порождён природными причинами, не зависящими от воли, действий и слов «Не-Я». Таким образом, романтический конфликт приобретает для поэта абсолютный характер.

Анализ стихотворения М. Ю. Лермонтова «Листок» показывает, что М. Ю. Лермонтов в последний год своей жизни, пусть отходя от романтизма в прозаическом творчестве, в лирике всё же оставался романтиком. Этот вывод подтверждается написанными М. Ю. Лермонтовым в этом году другими стихотворениями (такими, как «На севере диком стоит одиноко...», «Любовь мертвеца», «Договор», «Утёс», «Сон», «Они любили друг друга так долго и нежно...», «Выхожу один я на дорогу...», «Морская царевна» и «Пророк»). Большинство из этих стихотворений является романтическими балладами. Л. В. Федотова заметила, что «балладную линию он сохраняет до конца» [21: 132]. Во

всех этих текстах звучит тема абсолютного одиночества «Я» и/или невозможности позитивного контакта между «Я» и «Не-Я». Как прозаик М. Ю. Лермонтов стоит на границе романтизма и реализма, но как поэт он до последних дней жизни пребывал в пределах романтизма. Однако романтизм может быть разным. Подражательный, ученический романтизм заимствует устойчивые формулировки, в том числе сюжетные ходы и коллизии у произведений, принадлежащих иностранным литературам. Любовный конфликт

между разочарованным, истратившим себя европейцем и «любящей дикаркой» относится к таким клише, порождённым «колониальной оптикой». Зрелый романтизм проникнут идеями самопознания; от экзотики он переходит к внутренним мотивациям конфликта «Я» и «Не-Я», к авторефлексии. Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Листок» показывает нам диалектику такого перехода: межцивилизационный конфликт в этом тексте перетекает в эталонный личностно-романтический конфликт.

Примечания:

1. Лермонтов М.Ю. Сочинения: в 2 т. Москва: Правда, 1988. Т. 1. 720 с.
2. Эйхенбаум Б.М. Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки // Эйхенбаум Б.М. О литературе. Работы разных лет. Москва: Советский писатель, 1987. С. 239-296.
3. Парамонов Д.В. Художественное воплощение лермонтовского понимания мира через реализацию мотива одиночества // Материалы международной научно-практической конференции «Евсевьевские чтения. Сер.: Эмотивность художественного текста и способы её репрезентации. Саранск: Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева, 2015. С. 91-98.
4. Татарникова А.Е. Тема одиночества в творчестве и жизни А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова // Материалы IX всероссийской научно-практической конференции «Теология: история, проблемы, перспективы». Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семёнова Тян-Шанского, 2011. С. 119-124.
5. Жихарева Т.Ю., Сабитова Т.А. Лексическая реализация символики одиночества в поэзии английских и русских романтиков (на примере поэзии Дж.Г. Байрона и М.Ю. Лермонтова) // Сборник статей XXVI международной научной конференции «Язык и культура». Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2015. С. 286-288.
6. Павловская А.С. Мотив одиночества в лирике М.Ю. Лермонтова // Сборник статей XX международного студенческого конкурса «Студент года». Пенза: Наука и просвещение, 2002. С. 162-166.
7. Муслимова М.Ш. Методика изучения стихотворения М.Ю. Лермонтова «Листок» в школе // Материалы всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы исследования родного языка и литературы. Грозный: Институт чеченского языка, 2022. С. 146-151.
8. Хавкина И.В. Кавказские мотивы в творчестве М.Ю. Лермонтова (к 200-летию со дня рождения поэта) // Бюллетень медицинских интернет-конференций. Саратов: Саратовский ГМУ им. В.И. Разумовского, 2015. Т. 5, № 1. С. 16.
9. Зацерклян О.С. Мотив пути в лирике Михаила Юрьевича Лермонтова // Сборник статей по итогам XIV научной конференции «Актуальные проблемы современной русской речи». Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2019. С. 91-93.
10. Кубрин Д.Д. Тема дороги в судьбе и творчестве М.Ю. Лермонтова // Бюллетень медицинских интернет-конференций. Саратов: Саратовский ГМУ им. В.И. Разумовского, 2015. Т. 5, № 1. С. 15.

11. Киселёва И.А. Генезис мотивов стихотворения М.Ю. Лермонтова «Листок» (1841) // Сборник тезисов докладов X всероссийской научной конференции «Евангельский текст в русской словесности». Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2020. С. 112-114.

12. Ненарокова М.Р. Стихотворение Лермонтова «Листок» в контексте европейской традиции языка цветов // Мир Лермонтова. Москва: ИМЛИ, 2015. С. 243-251.

13. Киселёва И.А. Функция диалога в поздней лирике М.Ю. Лермонтова // Культура и образование. Москва: Московский государственный институт культуры, 2019. № 3 (34). С. 21-29.

14. Схаляхо Д.С. Кавказ и Россия: художественные связи и влияние как фактор межкультурного диалога // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. Майкоп, 2016. Вып. 3 (182). С. 129-134.

15. Шишхова Н.М. Литературный дискурс о Кавказе в повести А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-Бек» // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. Майкоп, 2015. Вып. 2 (153). С. 161-165.

16. Пушкин А.С. Сочинения: в 3 т. Москва: Худож. лит., 1986. Т. 2. 527 с.

17. Анкудинов К.Н. Романтизм без берегов. Русская романтическая поэзия второй половины XX – начала XXI веков: монография / науч. ред В.В. Агеносов. Майкоп: Изд-во АГУ, 2015. 221 с.

18. Анкудинов К.Н. Нулевая детерминированность как признак романтического героя (на примере стихотворения А.И. Полежаева «Песнь погибающего пловца») // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Литературоведение, журналистика. 2016. № 1. С. 7-17.

19. Полежаев А.Н. Стихотворения. Поэмы. Переводы. Воспоминания современников. Москва: Правда, 1990. 480 с.

20. Гумилёв Л.Н. От Руси к России. Очерки этнической истории. Москва: Экспресс, 1992. 336 с.

21. Федотова Л.В. Жанровая специфика произведений русских романтиков // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. Майкоп, 2008. Вып. 6. С. 130-133.

References:

1. Lermontov M.Yu. Collected works: in 2 volumes. Moscow: Pravda, 1988. Vol. 1. 720 pp.

2. Eikhenbaum B.M. Lermontov. Experience of historical-literature evaluation // Eikhenbaum B.M. On literature. Works of different years. Moscow: Soviet Writer, 1987. P. 239-296.

3. Paramomov D.V. Artistic presentation of Lermontov's world conception through realization of the motive of solitude // Materials of international scient. and pract. conference of Evseyev's Readings. Ser: Emotivity of a literary text and ways of its representation. Saransk: Mordovia State University, 2015. P. 91-98.

4. Tatarnikova A.E. The theme of loneliness in the work and life of A.S. Pshkin and M.Yu. Lermontov // Materials of the IX All-Russian scient. and pract. conference of Theology: history, problems, perspectives. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semyonov Tyan-Shansky, 2001. P. 119-124.

5. Zhihareva T.Yu., Sabitova T.A. Lexical implementation of the symbolism of loneliness in the poetry of English and Russian romantics (on the example of the poetry of J.G. Byron and M.Yu. Lermontov) // Collection of articles of the XXVI International Scientific Conference "Language and Culture". Tomsk: National Research Tomsk State University, 2015. P. 286-288.

6. Pavlovskaya A.S. The motive of loneliness in the lyrics of M.Yu. Lermontov // Collection of articles of the XX international students' contest of The Student of the year. Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2002. P. 162-166.

7. Muslimova M.Sh. Methodology of studying a poem “A Leaf” by M.Yu. Lermontov’s at school // Materials of All-Russian scient. and pract. conference “Actual problems of studying the native language”. Grozny: Institute of Chechen language, 2002. P. 146-151.

8. Khavkina I.V. Caucasian motives in Lermontov’s works (on the 200th anniversary of the poet’s birth) // Bulletin of medical internet conferences. Saratov: Saratov GMU of V.I. Razumovsky, 2015. Vol. 5. No. 1. P.16.

9. Zatserklyan O.S. The motive of the road in the lyrics of Mikhail Yuryevich Lermontov // Collection of articles based on the results of the XIV scientific conference of “Actual problems of modern Russian speech”. Armavir: Armavir State University, 2019. P. 91-93.

10. Kubrin D.D. The theme of the road in M.Yu. Lermontov’s fate and works // Bulletin of medical internet conferences. Saratov: Saratov GMU, 2015. Vol. 5. No. 1. P.15.

11. Kiselyova I.A. Genesis of the motives of the poem “A Leaf” by M.Yu. Lermontov (1841) // Collection of theses of the X All-Russians scientific conference of “The Gospel text in Russian Literature”. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University, 2020, P. 112-114.

12. Nenarokova N.R. Lermontov’s poem “A Leaf” in the context of the European tradition of the language of colours // Lermontov’s world. Moscow: IMLI, 2015. P. 243-251.

13. Kiselyova I.A. Function of the dialogue in Lermontov’s late lyrics // Culture and education. Moscow: Moscow State Institute of Culture, 2019. No. 3 (34). P. 21-29.

14. Skhalyakho D.S. Caucasus and Russia: art contacts and influence as factor of cross-cultural dialogue // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. 2019. No. 3 (182). P. 129-134.

15. Shishkhova N.M. Literary discourse about the Caucasus in the story of A. Bestouzhev-Marlinsky “Ammalat-Bek” // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. 2015. No. 2 (153). P. 161-165.

16. Pushkin A.S. Collected works: in 3 volumes. Moscow: Khudozh. Lit., 1986. Vol. 2. 527 pp.

17. Ankudinov K.N. Romanticism without shores. Russian romantic poetry of the second half of the 20th – early 21st centuries: a monograph / scientific ed. by V.V. Agenosov. Maikop: ASU, 2015. 221 pp.

18. Ankudinov K.N. Zero determinancy as a sign of romantic hero (based on A.I. Polezyaev’s poem “The Song of a Dying Swimmer” / Bulletin of the Russian University of Peoples’ Friendship (RUDN). Ser.: Literature criticism, journalism. No. 1. Moscow: RUDN, 2016. P 7-17.

19. Polezyaev A.I. Verses. Poems. Translations. Memoirs of contemporaries. Moscow: Pravda, 1990. 480 pp.

20. Gumilyov L.N. From Rus to Russia. Essays on ethnic history. Moscow: Ecopros, 1992. 336 pp.

21. Fedotova L.V. Genre specifics of the works of Russian romantics // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology. No. 6. Maikop: ASU, 2008. P.130-133.

Статья поступила в редакцию 21.10.2022; одобрена после рецензирования 27.11.2022; принята к публикации 26.12.2022.

The paper was submitted 21.10.2022; approved after reviewing 27.11.2022; accepted for publication 26.12.2022.

© К. Н. Анкудинов, 2022